

Покой жителей Верно

Верно

В городе Верно давно ничего не случалось. Граждане уже начинали волноваться. Гадали: к чему бы это подозрительное затишье? Может судьба готовит Верно к чему-то страшному, роковому? Или такая скучная жизнь будет теперь всегда, потому что у Богов, у судьбы, или у самих людей, вдруг кончилась фантазия?

Ни что в городской жизни не привлекало внимания, всё шло как всегда. За исключением лишь того, что раньше всегда что-нибудь было не так, а теперь, совсем как всегда. Это было очень странно и наводило на жителей тоску и тревогу.

Люди старались цепляться хоть за что-то: пытались найти, больший, чем есть, смысл и удовольствие в простых каждодневных заботах; старательно множили вздорные слухи; силились припомнить старые сказки и вчерашние сны. Из-за отсутствия новостей, собеседникам приходилось вспоминать совсем уже давние события, а иной раз, вовсе выдумывать чёрт знает что. Но как бы граждане не фантазировали, бесконечно перевирая прошлое, нынешний недостаток событий невозможно было восполнить.

Раньше в таверне постоянно обсуждали новые происшествия – живые, полные подробностей хитросплетения обстоятельств. Такие нарочно не придумаешь. А теперь: кто-то с отчаянной надеждой смотрел вдаль; кто-то напряжённо вглядывался в небо; а кто-то врал взахлёб, то ли со скуки, то ли для самоуспокоения.

Горожане истощали винные погреба, но вино радует, только если есть о чём говорить... Иные выходили к проезжему тракту, расспросить путников

про их чужедальные дела, да путники почему-то проходили всё реже, вести несли несвежие и мало. Может и в других землях та же напасть?

Даже погода нынче стала какой-то невыразительной: ни холодно, ни жарко; солнца и облаков всегда в меру; ни гроз, ни штормов; и если дождь, то не ливень, а так – моросит невнятно.

И, может жители от скуки уже потихоньку сходили с ума, но многие, кому ночами не спалось, утверждали, что якобы ветер, иной раз, приносит с Горы какое-то нудное, монотонное эхо.

Иные посмеивались: «Гора наша, видать, простыла на ветру и кашляет». Но многие верили: «Дракон там, в глубине ворочается». А маленький Йоза сказал сегодня утром: «это каменный великан смотрит на нас сверху и хохочет».

Кто знает, может в тихую ночь слышно шум горных рек, или это отголоски камнепадов? Но «хохот» этот людям не нравился и вводил их в ещё большее уныние.

Городской глава Тано Ульм не любил действовать вопреки традициям, не по плану и торопясь, но сейчас понимал: «самое время уже что-то предпринять».

Совет

В ратуше собрали совет в его неизменном составе: Пастор Монг смиренно сложил руки и закатил глаза, будто в ожидании чудесного, немедленного избавления от нынешней напасти; начальник полиции Петерсон строго зыркал по сторонам, будто в поисках виноватых; от лица науки присутствовал аптекарь Кёрн, держа при себе чемоданчик полный

всевозможных стекляшек; а от лица городской общественности – семь старейшин, способных по любому случаю привести пару-тройку наиболее показательных примеров из прошлого.

Глава города выразил собравшимся своё глубочайшее почтение, озвучил повестку и заверил в готовности выслушать всех, у кого есть хоть какое-то представление: «как вернуть покой жителям Верно». И вот уже Тано грациозно и степенно пятился от трибуны, простирая руку в приглашающем жесте.

Тано восседал в своём кресле за массивным столом, в ожидании остроумных и глубокомысленных инициатив. Неизменный Тано занимал свой пост с незапамятных времён. Человек, знающий наизусть систему городского водоснабжения, всегда умеющий разрешить принципиальные политические разногласия перепившей и недопившей стороны, неспешный и немногословный, он всем своим видом показывал, что сегодня без решения разойтись нельзя.

Однако собравшиеся с предложениями не спешили. Монг бормотал что-то себе под нос и шарил взглядом по потолку, то ли в поисках знаков свыше, то ли сомневаясь в надёжности конструкций. Петерсон нахмурился и положил руку на большой деревянный свисток (уже с давних пор полиция в этих краях другого оружия не держала). Кёрн поглядывал, то на свой чемоданчик, то на старейшего из старейшин, коего привели сюда под руки. Все помалкивали. Тано вопросительно перевёл взгляд на старейшего – старейший затрясся, будто бы в отрицательном жесте. Прочие старейшины засовещались меж собой, но... только разводили руками – видимо, ничего похожего на нынешнюю странную напасть в прошлом не обнаруживалось. Тано понял: «решение придётся принимать самому». На такой случай он благоразумно

запасся уже готовым, хотя, по сути, лишь временным решением. Тано не спеша соединился с трибуной:

– Отсутствие событий – чудная напасть. Да и «хохот» этот... Доселе со всеми бедами мы справлялись своими силами, потому как хватало нам своего ума, понять их причины. На этот раз, так полагаю, следует нам кого-нибудь отправить – разузнать, как обстоят дела в других землях. Надо бы дойти до Маяка, да и в Обсерватории поспрошать..., словом, как следует оглядеться и посоветоваться. А там – как пойдёт. Дело может обернуться экспедицией по всему Острову, – Тано чуть было не улыбнулся, – уж где-нибудь, да знают, что нам делать.

Тано сделал небольшую паузу, больше для проформы, нежели ожидая каких-либо возражений и дополнений. Он «ощупал» внимательным взглядом собравшихся и продолжил:

– Тут мало быстрых ног. Послать нужно кого-то грамотного, понимающего, но лёгкого на подъём – дорога не близкая, да и не везде есть дороги..., – Тано умолк в ожидании предложений.

Лёгкий на подъём Петерсон приподнял бровь, и опустил уголки рта. Более чем грамотный Монг ёрзал и вертел головой. Кёрн сидел спокойно, зная, что без него в Верно не обойдутся. Старейшины принялись тихо ворчать про беспутность и никчёмность нынешней молодёжи.

Тано Ульм понял: «опять решать самому». И снова у него было кое-что припасено. Он вновь не спеша оглядел собравшихся:

– Некого нам послать..., кроме Тоя. Молод, но и грамотой владеет, и Быструю речь знает. Все книги что в городе есть прочёл дважды. И вообще, дело для него, почтальона, самое подходящее. Через пару недель вернётся – хоть новостей принесёт, а может уже и решение готовое.

Тано, в глубине души очень довольный своим мудрым выбором, позволил-таки себе умеренную, в рамках приличия, улыбку. Петерсон чуть не хлопнул в ладоши, но вовремя замедлил жест и, только, судорожно потёр руки. Монг, будто бы поправляя шляпу, незаметно вытер со лба пот. Все присутствующие одобрительно кивали, выказывая уверенность: «в Обсерватории всегда знают, что делать» и «с Маяка, конечно же, будет видней».

Из ратуши выходили в приподнятом настроении. О решении, сразу же было объявлено на городской площади. Старейшины, «застряли» в окружении досужих граждан. Изнурённые скукой и крайне обеспокоенные нынешним положением дел, жители смаковали подробности заседания. Они надеялись, что предприятие Тоя, если и не исправит положения, так может, хотя бы, даст понимание происходящего, то есть, вовсе ничего не происходящего в Верно.

Оставалось только сообщить самому Тою, какое важное дело доверили ему на этот раз. Конечно, можно было за ним послать, но Тано захотелось пройтись – осенний, воскресный день, других дел сегодня у главы не было...

За Тано увязались и Петерсон с Монгом. Такая представительная делегация привлекала внимание прохожих. Жители останавливались, смотрели с любопытством, задавали вопросы и бежали искать – с кем обсудить услышанное.

Дом Тоя

Гужевого транспорта на Острове не водилось. Грузы доставлялись на лодках, а когда такой возможности не было, жители запрягались в повозки сами. Все прочие перемещения производились, пешим порядком.

Тано с Монгом шли, будто в танце – активно жестикулировали, обсуждая, как лучше пройти к дому Тоя. Петерсон, на шаг позади, покуривал трубку.

Крупнейшее поселение Острова – Верно, по меркам Большой земли, городок маленький. Но сложный ландшафт с перепадом высот, с ручьями и речушками, с множеством мостиков и лестниц делали дорогу длиннее. С одной стороны город, где дома были построены в разное время и из разного материала, выглядел, как музей инженерной мысли. В то же время, все сооружения были чем-то похожи, словно дальние родственники от мала до велика, собравшиеся здесь, чтобы водить хоровод вокруг городской ратуши. Буйная растительность и фантазия жителей превратили Верно в изящный лабиринт. Дома здесь стояли так близко, что соседи, выйдя поутру на балкон, здоровались за руку. Вечером те, кому лень было выходить из дома, заводили беседы, высываясь из окон. Предлагали прохожим выпить чаю, или чего ещё. Каждый подоконник, к вечеру, мог стать прилавком трактирщика.

Той жил в северной окраине Верно, где домов было поменьше, а зелени побольше. Маленькие строения в один-два этажа, как грибы теснились меж буйной растительности. Под окнами процветали ухоженные клумбы. Вдоль дорожек сутулились небольшие плодовые деревья. Изредка встречались и старенькие заброшенные хибарки, заботливо укутанные мхом и одичавшим кустарником.

Жилище у Тоя было скромное, но приметное. Дом на половину врос в склон, там, где каменный мост сгорбился над дорогой, расталкивая высокие обочины. Комната наверху была Тою и кабинетом и спальней: стол у окна, книги на подоконнике и на полу, кровать, заваленная всё теми же книгами. Они лежали везде. Книги были заложены какими-то записями, схемами, картами, рисунками, птичьими перьями и друг другом. Можно было

подумать, что хозяин читает все свои книги одновременно. Комната внизу выглядела нежилой, а служила одновременно гостиной, мастерской и кладовой. Здесь, местами упорядоченно, местами как попало лежали предметы, найденные Тоем во время прогулок. Причудливо сросшиеся корни, камни странной формы и цвета, сломанные замки, потерянные ключи, какие-то детали. Зачастую предметы несли следы неких экспериментов. А некоторые экспонаты уже украсила паутина. Части от самых разнообразных механизмов, иной раз, соединялись во что-то интересное внешне, но совершенно неясное по назначению. Странные иероглифы из ивовых ветвей и медной проволоки свисали с потолка, и медленно вращались под действием сквозняков. Устроены они были так, что вращающийся знак можно было прочесть, как последовательность нескольких. Несмотря на беспорядок, все эти никчёмные, лишние вещи складывались в своего рода уют.

Этой осенью жизнь дома, вроде бы, шла своим чередом. Вот только последнее время песок с дороги стал осыпаться, прямо на окно. И сломанный уличный градусник, давно замерший на одной отметке, теперь, по нелепому совпадению, вместо погоды показывал, будто бы уровень земли. Это наводило на Тоя тоску. Он любил свой дом, но смотреть в это окно было неприятно. Сделать с этим песком ничего не удавалось. Если Той выгребал его от окна, назавтра песок вновь осыпался с холма в том же количестве. Про себя, Той обзывал это окно «песочными часами».

И вот, как-то раз, Той взял, и переставил градусник в окно кабинета, наверху.

Той сидел за своим столом и задумчиво смотрел на сломанный градусник, который отныне показывал не что иное, как уровень горизонта между взгорьем и лесами. Вот уже час, Той с удовольствием убеждался, что

горизонт всё там же, как вдруг раздался стук в дверь (звонок в доме, как и многое другое, выглядел интересно, но не работал). Стук был нетороплив и обстоятелен. Той в два прыжка спустился на этаж – старая лестница сипло охнула, входная дверь испуганно пискнула, и на уровне лица Тоя обнаружилась большая рука Тано, сжатая в кулак. Тано, улыбаясь, расправил пальцы руки в приветственный жест:

– И постучать, ещё толком не успел...

Той удивился и обрадовался визиту, представляя, что за важное письмо, или посылку ему придётся доставить и, как далеко. Он истосковался по работе. В городе новостей не было, и никто не спешил никого, ни в чём уведомить. Гости ещё более обрадовали Тоя, объяснив, насколько далеко и надолго ему придётся отправиться на этот раз. Тано торжественно вручил Тою поручительное письмо с удостоверяющей печатью и просьбой о содействии. Монг – мешочек ароматных сухарей. Петерсон – пару крепких походных башмаков и двадцать монет.

Теперь они молча стояли и смотрели на Тоя, прикидывая, что из этой затеи выйдет. Той выглядел обнадеживающе: улыбался, предлагал чаю и уже успел напялить один из новых башмаков.

Гости уточнили детали предприятия, обсудили возможные маршруты и вероятные препятствия, дали пару добрых советов, и, по причине волнительности момента, выпили весь имеющийся в доме чай.

Уже было сказано всё, что только можно, по случаю и вообще, а за окном успело стемнеть, когда Тано, наконец, возвестил:

– Однако нам пора. Да и ты тут не задерживайся. Город ждёт новостей.

Монг прослезился. Петерсон сжал Тою руку. Той заверил:

– Утром выйду, к вечеру буду у перекрёстка. А там уж решу, куда сначала – к Маяку, или в Обсерваторию.

Засыпая, Той решил, что выйдет пораньше и завтракать будет уже в дороге, сидя под раскидистым дубом. И чтобы за спиной был лес, а перед глазами поле.

Трактир

К вечеру следующего дня Той уже с трудом узнавал места, но в дороге не сомневался. Когда-то в юности он добирался до перекрёстка. Тогда Трактир представлялся ему волшебным замком. Внутри безусых не пускали и Той ходил кругом, исследуя причудливый фасад, украдкой заглядывая в окна и населяя всё видимое воображаемым смыслом, сказочными существами и чудесными событиями. Вообще он много бродил по окрестностям. Когда в альбоме, а когда на обрывках обёрточной бумаги, Той делал зарисовки и заметки. Потом, уже дома, он формировал на их основе не очень точные, но полные изящного художества карты окрестных земель. В Верно они пользовались успехом. Особенно у граждан солидных, коим не пристало самим шляться, где попало, а вид из окна родного и любимого дома давно наскучил. Приятно глядеть зимним вечером на висящую над камином карту и вспоминать места, где когда-то бывали, или всегда хотели побывать. Поглядывая на такую карту, легко было поддерживать разговор даже с плохо знакомыми гостями. Такая карта в доме была вроде «камина греющего душу», или будто ещё одно окно: вдаль, в прошлое, в будущее и вовсе несбыточное.

Темнело. Но вечер был ясен, воздух прозрачен, видно было далеко. Пытливым взглядом Той мысленно прокладывал себе путь, через

открывающиеся пространства. Он шёл с улыбкой на лице, представляя, какие мосты и ограды украсят дорогу впереди. На случай особо интересных конструкций, или происшествий, у него был с собой небольшой альбом, на половину уже изрисованный и исписанный Быстрой речью. Той шёл с удовольствием, но ближе к ночи дорога всё больше устало прогибалась и недовольно ёрзала под ногами. В тишине, со стороны Горы стал хорошо слышен тот самый «хохот».

Захотелось уже некоторой определённости с ужином и ночлегом. Той торопился убедиться, что Трактир у перекрёстка всё ещё на своём месте. Споткнувшись пару раз о памятные с детства коряги, Той понял, что уже близко. Он шёл и прикидывал: чего больше хочет – есть, или спать. Той ещё не решил, куда пойдёт после, но не зайти по дороге в Трактир, было никак нельзя. Как там потом будет в дороге... А здесь, не только приятные детские воспоминания, но и горячий ужин, холодное пиво, тёплая кровать с прохладными простынями. Да и дело обязывало Тоя заглянуть в Трактир – трактирщик, среди прочего, обязан был отвечать на все вопросы посетителей и быть в курсе всех новостей.

Той шёл и вспоминал всё, что знал об этом месте. Друзья постарше рассказывали про девушек разносящих пиво, молодых, улыбчивых, несущих разом по дюжине кружек, крепко и нежно прижав ношу к груди...

Когда-то в прошлом здесь случалось видеть и иные забавы. Народ Острова в целом миролюбив, но пиво и простой люд, с его простыми грубоватыми развлечениями... в Трактире можно было наблюдать драку. Редко из-за натуральной ссоры, обычно – соревновательно, на спор, с денежными ставками и азартными болельщиками. При этом драка всегда предварялась соревнованием в питии и обжорстве, от чего последующая схватка являла собой скорее комичное представление, чем суровый,